

НА ПОРОГЕ

Алим КЕШОКОВ

Переступая порог Нового года, всегда испытываешь трепетное волнение — словно ты перешел бурную реку и вступил на берег, открывающийся перед тобой новый простор. А 1967 год особенный, это пятидесятый год Советской власти.

С высоты пятидесятилетия хочется взглянуть в мaelущую даль и поразмыслить, заново «перечитать» пройденный путь, восстановить в памяти подвиги, спуски, и, конечно, прямые и ровные участки, на которых мы развивали предельную скорость.

Не раз застигала нас буря в пути, немало было потрясений. Годы — как горы. Одна отмечена водопадом, рождающим бурную реку, другая обрушивает снежные обвалы, перекрывающие дорогу в ущельях, третья — в дружбе с чабанами, пасущими стада овец на ее склонах. Как не похожи их очертания, четко ложащиеся на небосклон в сумерки! Они не похожи друг на друга, но каждая из них щедро к людям, если они настойчивы и дерзко нащупывают дорогу к дарам природы. Чем стремительнее течение реки, тем меньше мешают ей узоры русла. За полвека мы преодолели колоссальный путь. Словно горный поток, стремительна жизнь советских людей.

Наш современник балкарский поэт Кайсын Кулиев стоял у колыбели своей родной литературы, участвовал в создании письменности своего народа. А в этом году ему присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького за выдающиеся поэтические произведения. Знаменателен и факт присуждения на недавно закончившемся Всесоюзном конкурсе дирижеров первого места Юрию Темirkanову, молодому представителю кабардинского народа, чья музыкальная культура еще очень молода. Уже в двух этих примерах — огромный итог бурного исторического развития

народов, которым Октябрь принес избавление от ига царского самодержавия.

Трудности укрепили волю советских народов к победе, войны рождали героев, о тех, кто пал в боях, сложили песни. Советский народ первым в мире утвердил звание летчика-космонавта и первым присвоил его своим отважным сынам. От зала «Авроры» до запуска космических кораблей — великий путь, пройденный нами за полвека Советской власти.

Мартовский Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в 1965 году, положил конец волюнтаристской практике ведения хозяйства, выдвинул на первый план хозяйственную целесообразность, опыт, материальную заинтересованность труженика. Теперь в селе все изменилось. И труженики деревни доверием и самоотверженным трудом отвечают на заботу партии и правительства. Мне говорили председатель колхоза Герой Социалистического Труда Камбулат Тарчоков и секретарь райкома партии Герой Социалистического Труда Муссаби Ахметов, что они готовы вести счет своим новым успехам в сельском хозяйстве именно с того года, когда проходил мартовский Пленум ЦК КПСС, расставивший силы в сельскохозяйственном производстве на основе учета многолетнего опыта, «по науке».

Вступая в просторы Нового года, мы прощаемся с другим — старым 1966-м. Чем больше привязан к другу, тем продолжительнее прощание с ним, тем дольше задерживаешь его руку в своей руке.

В 1966-м был XXIII съезд нашей партии — новая веха в истории коммунистического движения. В уходящем 1966-м наш народ начал осуществление величественных предначертаний нынешнего пятилетнего плана.

Новогоднее — это как два берега одной реки, прошедшее и будущее, 1967-й — на пороге. Он станет годом исполнения новых мечтаний советских людей, годом больших свершений. 1967-й — это год юбилейный, радостный и торжественный.

— Товарищ год пятидесятый! Скажи вперед и передай зная наших побед второй половине советского столетия.

Нальчик

А. И. БРЕЖНЕВУ ВРУЧЕН ОРДЕН СУХЭ-БАТОРА

Находящийся в Советском Союзе Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР, член Политбюро ЦК МНРП товарищ Ж. Самбу 30 декабря вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу орден Сухэ-Батора, которым он награжден за заслуги в укреплении

братской дружбы между монгольским и советским народами, в укреплении дела мира и социализма в связи с его шестидесятилетием.

Л. И. Брежнев сердечно поблагодарил за высокую награду. При вручении ордена товарищу Л. И. Брежневу присутствовали

товарищи А. П. Кириленко, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, И. В. Игитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, заведующий отделом ЦК КПСС К. У. Черненко, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС К. В. Рукавова, а также посол Монгольской Народной Республики в СССР товарищ Н. Лувсичултам и дипломатические работники посольства. (ТАСС)

США НАКАНУНЕ 1967-го...

ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Александр ДРУЖИНИН

В Соединенных Штатах только что отгул традиционный праздник — рождество. Звучала песенка «Джингл белз» — «Бейте в колокола», этот всемирный мотивчик навевал популярнейшие песни, исполняли джазы, наигрывали церковные органы. Песенка о беззаботном, идиллическом празднике. В рождественскую ночь американские дома посетил Санта-Клаус, его обязанность — принести взрослым счастье и благополучие, а детям — подарки. На рождество ярко сияли елки. В первый же день Нового года их, ставших ненужными, с остатками блестящей мишуры на поребриках ветках, выбрасывали на улицу.

Впрочем, после Нового года будут, очевидно, выброшены не только елки, но и поблекшая мишура 1966 года — радужные обещания, блестящие посулы, «твердые заверения» в том, что США все ближе и ближе к «великому обществу». Их развеет морозный ветер, переиначивший с бизнесовой гарью. Да и сам Новый год насказов отравлен ядовитыми парами предпринимательства, стал лишь одной из разновидностей коммерции, отдал на откуп гигантскому бизнесу. Даже некогда невинный обычай дарить в предновогодние дни подарки стал теперь тоже одним из проявлений бизнеса или, если угодно, одним из важных шагов на пути к преуспеянию.

Еще Ильи и Петров лет тридцать назад писали: поношение подарков в США превратилось в повинность. Дарят всем — не только родственникам, друзьям и знакомым; это стало настолько способом выражения чувства, сколько общественной обязанностью для одного из узаконченных вымыслов — для других. В эти дни вам особенно умильно улыбаются швейцары, лифтеры и почтальоны, ожидающие конверта с хрустящей кредитной бумажкой. Нью-Йоркский профсоюз обслуживающего персонала жилых домов публично объявил на днях к сведению всех граждан, что от каждого жильца ожидается подношение в сумме не меньше пяти долларов. Даже в гаражах под Новый год вывешены украшенные гирляндами разноцветных лампочек списки клиентов — циничное напоминание о том, что необходимо дать чужие слушания.

И все-таки в эти дни приходит на ум старая добрая сказка о заморозочном бедном мальчике у сверкающей витрины с елкой и о том, как хорошо окончился для него этот сочный (или рождественский, или Новый год). Что осталось от сказки?

Осталась витрина — она так и сверкает под Новый год всеми огнями.

Остался «санта-клаус», по-прежнему среди безработных, они в бугорчатых кафтанках и с нейлоновыми бородами выходят из магазинов.

Остался и «попоз» бедным. Выйдете в эти дни на улицы Нью-Йорка, остановитесь на скрещении Бродвея и 42-й улицы — этом самом оживленном, как утверждают американцы, перекрестке мира. И вы услышите, как песенку «Джингл белз» старательно выкрикивают на колокольчиках люди в синих шинелях и полу-

военных фуражках с красными околышами. Их целая армия, этих людей. Да она так и называется: «Армия спасения» — религиозная организация с молитвенником и церковной кружкой, пытающаяся спасти тех, кто терпит бедствие в безбрежном море нищеты и житейских невзгод. Стоят в предновогодние дни ее солдаты на уличных перекрестках. Падает на дно больших кружек мелкая монета. И ее звон напоминает о том, что есть в Америке не только люди, получающие подарки, но и нуждающиеся в обыкновенном подарке.

«Не забывайте нуждающихся», — напоминает на каждой странице своих предновогодних номеров «Нью-Йорк таймс». Жерутите, не жалейте нескольких центов, — просит «Армия спасения». Жерутите, — вызывают письма различных благотворительных организаций, рассылаемые американцам с новогодней почтой. Жерутите на немощных, на слепых, на приюты.

Впрочем, и эта старая сказка в Америке-66 стала тоже бизнесом.

Далеко не для всех американцев предновогодние пора оборачивается праздником. Старик Санта-Клаус разбавлен и хорошо знаком с социальными граблями. Многим Новый год приносит раздумья и безысходную тревогу. И не потому ли под Новый год в Америке больше всего самоубийств?

У средних, в меру преуспевающих американцев, владельцев средних домов, средних машин и получающих еженедельно средние количества долларов, конечно, другие проблемы. Но даже и они не могут скрыть в предновогодние дни неуверенность и разочарование.

Год назад вся страна обещала, что 1966 год принесет процветание и изобилие. Но старый год уходит, поставлен рекорд по росту цен: в канун 1967 года американцы платят больше за продукты питания, за транспорт и за квартиры, чем они платили год назад. А обучение детей в общественных школах обходится дороже на 8 процентов.

Уходящий год принес рост налогов. Нет, не был в минувшем году заверенный печатью официального оптимизма прогноз «процветающего общества». Это общество не решило острейших проблем — образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения. Вьетнамская война пожирала миллиарды долларов. Вот почему правительство еще глубже запустило руку в карман налогоплательщиков.

Год назад американцам обещали «скорый мир» во Вьетнаме. Усиление карательных операций против народа Южного Вьетнама, авиаресурс бомбардировки жилых районов Ханоя, истребление мирных жителей, уничтожение вьетнамских деревень — вот итог политики агрессии в минувшем году.

Что принесет стране год будущий? С тревогой ищут американцы ответ на этот волнующий вопрос. И эту тревогу не в силах заглушить джингл белз — звон колоколов.

НЬЮ-ЙОРК.
30 декабря
(По телефону)

ГОД ПЯТИДЕСЯТЫЙ

Сергей МИХАЛКОВ

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

частности ко всему, что происходит в стране, — решающее условие гармонического развития каждого из нас. Моя судьба самым непосредственным образом зависит от того, ощутил ли ты, мой товарищ, трудное, по Мартовскому, чувство быть свободным, то есть переживать ответственность за все в этом мире, в том числе и за меня.

Наша социальная и экономическая достижения совершенно бесспорны. Недаром за рубежом их называют иногда «чуждом». В связи с этим мне хотелось бы, кстати, напомнить читателю превосходный афоризм английского писателя Г. К. Честертона. Он сказал, что самое странное в чудесах это то, что они случаются. Вся полувековая история нашего советского общества, продолжавшая путь от конки до космических кораблей, видится многим как некое свершение — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для нас — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее этически, социально, идеологически.

Это понятие может быть неопределимо, расплывчатым, неуловимо зыбким и максимально конкретным, помогающим людям уловить жизнь на нашей планете.

И мне представляется, что Леонид Мартынов глубоко выразил сущность свободы в понимании нашего современника — советского человека середины 60-х годов XX столетия.

Особенно значительной в этих стихах мне кажется строка, где поэт называет свободу одним из самых личных чувств на свете.

Ощущение свободы как личное чувство, а не отвлеченной философской категории было в высшей степени свойственно еще

первым русским революционером. Память о них должна быть особенно яркой в юбилейном году.

Мы много, а иногда и суесловно, пишем о том, что надо воспитывать все более умело — у молодежи особенно — чувство ответственности за то, что делается тобой, товарищами — на работе, в семье, во дворе дома...

Маяковский точно отметил свойство слов «вешать», как писатель. Не вешают ли порой и эти бесконечно повторяемые слова о «твоей ответственности»? Иногда они скользят поперек сознания, не задевая сердца. Происходит это, как мне кажется, потому, что мы еще неуверенно воспитываем у молодежи ощущение свободы, как личного чувства: чувства безграничной ответственности за все, что свершается в мире. — «на вдох, слезы, горе и потерю, за веру, суеверье и безверье».

Я знаю некоторых юношей и девушек, для которых личное чувство — нечто на редкость узкое, ограниченное. Личное для них — интимное — «моего». Это результат определенной нравственной малораспространенности.

В юбилейном пятидесятом году Советской власти наши мыслители — наши философы, историки, социологи, писатели столетиями исследовали это такое вечное и такое актуальное, такое бессмертное и такое роковое понятие. И каждый раз, каждое поколение понимало свободу особым, посвоему, образом, определяя ее э

